

DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2025.3.3>

UDC 332.14
LBC 65.050.1

Submitted: 04.05.2025
Accepted: 16.06.2025

FEATURES AND TRENDS OF SPATIAL DISTRIBUTION OF ECONOMIC RESOURCES IN GLOBAL ECONOMY¹

Pavel V. Stroev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Olga V. Pivovarova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the spatial distribution of economic resources in the global economy in the context of geoeconomic instability growth and global order transformation. The relevance of the study is due to the necessity to develop new guidelines for long-term economic policy in the context of digitalization, energy transition, growing protectionism, and international relations polarization. The methodological base of the study is presented by a systemic and interdisciplinary approach using institutional, comparative, historical, and formal-logical analysis. The main results of the study are presented in the form of a retrospective analysis of the five largest economies in the world – the USA, the European Union, China, India, and Brazil – from the point of view of the transformation of their spatial structure over the past 75 years. Long-term trends in the redistribution of economic resources in the global space are identified. They are a shift in production capacity to Asian countries, increased regional disparities, growing dependence on foreign economic factors, and institutional differences. The zones of concentration of capital, industry, and technology, as well as hotbeds of spatial instability in the world economies under analysis, are determined. Particular attention is paid to the relationship between the geopolitical configuration and economic allocation of resources. Based on the analysis, the necessity of transition to a polycentric model of global development is substantiated, which implies strategic autonomy, regional integration, and cooperative interdependence. Conceptual foundations of long-term distribution of resources in the global economy with an emphasis on political stability and economic security are suggested. The obtained results have considerable theoretical and practical significance and can be used in the process of forming a sustainable architecture of global economic interaction in the world space. *Authors' contribution.* P.V. Stroev – substantiation of the methodology and development of research concept, compilation of research algorithm, systematization of trends in the spatial distribution of economic resources in the global economy, and development of conceptual foundations of the long-term distribution of resources in the global economy; O.V. Pivovarova – selection of scientific sources and content analysis of publications on the research topic, collection and analysis of empirical data, retrospective analysis of the five largest economies in the world (USA, European Union, China, India, and Brazil) and determination of their features and trends, generalization of research results, and formulation of conclusions.

Key words: economic resources, spatial distribution, global economy, geoeconomic instability, regional disparities, institutional transformations, economic integration, polycentricity, strategic autonomy.

Citation. Stroev P.V., Pivovarova O.V., 2025. Features and Trends of Spatial Distribution of Economic Resources in Global Economy. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii* [Regional Economy. South of Russia], vol. 13, no. 3, pp. 33-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2025.3.3>

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ ¹

Павел Викторович Строев

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

Ольга Владимировна Пивоварова

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу пространственного распределения экономических ресурсов в мировой экономике в условиях нарастающей геоэкономической нестабильности и трансформации глобального порядка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки новых ориентиров для долгосрочной экономической политики в условиях цифровизации, энергетического перехода, роста протекционизма и поляризации международных отношений. Методологическая база исследования опирается на системный и междисциплинарный подходы с использованием институционального, сравнительного, исторического и формально-логического анализа. Основные результаты исследования представлены в виде ретроспективного анализа пяти крупнейших экономик мира – США, Европейского союза, Китая, Индии и Бразилии – с точки зрения трансформации их пространственной структуры за последние 75 лет. Выявлены долговременные тренды перераспределения экономических ресурсов в мировом пространстве: сдвиг производственных мощностей в страны Азии, усиление региональных диспропорций, рост зависимости от внешнеэкономических факторов и институциональных различий. Определены зоны концентрации капитала, промышленности и технологий, а также очаги пространственной нестабильности в исследуемых мировых экономиках. Особое внимание уделено взаимосвязи между геополитической конфигурацией и экономическим размещением ресурсов. На основе проведенного анализа обоснована необходимость перехода к полицентричной модели глобального развития, предполагающей стратегическую автономию, региональную интеграцию и кооперационную взаимозависимость. Предложены концептуальные основы долгосрочного распределения ресурсов в мировой экономике с акцентом на политическую устойчивость и экономическую безопасность. Полученные результаты обладают высокой теоретической и практической значимостью и могут быть использованы в процессе формирования устойчивой архитектуры глобального экономического взаимодействия в мировом пространстве. *Вклад авторов.* П.В. Строев – обоснование методологии и разработка концепции исследования, составление алгоритма проведения исследования, систематизация тенденций пространственного распределения экономических ресурсов в мировой экономике, разработка концептуальных основ долгосрочного распределения ресурсов в мировой экономике; О.В. Пивоварова – выбор научных источников и проведение контент-анализа публикаций по теме исследования, сбор и анализ эмпирических данных, проведение ретроспективного анализа пяти крупнейших экономик мира (США, Европейского союза, Китая, Индии и Бразилии) и определение их особенностей и тенденций, обобщение результатов исследования и формулировка выводов.

Ключевые слова: экономические ресурсы, пространственное распределение, мировая экономика, геоэкономическая нестабильность, региональные диспропорции, институциональные трансформации, экономическая интеграция, полицентричность, стратегическая автономия.

Цитирование. Строев П. В., Пивоварова О. В., 2025. Особенности и тенденции пространственного распределения экономических ресурсов в мировой экономике // Региональная экономика. Юг России. Т. 13, № 3. С. 33–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2025.3.3>

Введение

Особенности нынешнего этапа мирового политического и экономического развития (глобализация, цифровизация, геополитическая напряженность, энергетический переход и институциональные сдвиги) вносят весомый вклад в становление новых распределительных отношений в мировом пространстве. Гносеологическая ос-

нова этого вопроса состоит в том, что наиболее чутко на процессы политического переустройства реагирует именно мировая торговля, активно участвующая в распределении материальных благ и услуг. Поэтому для построения долгосрочной системы мирохозяйственных связей необходимо осуществить критическую и конструктивную оценку сложившихся тенденций и их влияния на долгосрочное развитие, включая простран-

ственное перераспределение благ в мировой экономике. Основой для этого служит как отечественная, так и зарубежная научная традиция, охватывающая широкий спектр концептуальных, теоретико-методологических и прикладных исследований.

Отечественная наука внесла значительный вклад в изучение пространственных аспектов экономики, особенно через работы А.Г. Гранберга [Гранберг, 2007], Г.Б. Клейнера [Клейнер, 2013], Ю.Г. Лавриковой [Лаврикова, Суворова, 2020], Е.М. Бухвальда [Бухвальд, 2020], Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2019], Р.В. Фаттахова [Фаттахов, 2019], С.В. Макара [Макар, 2024]. Современные российские исследования делают акцент на сбалансированной пространственной политике с учетом региональных различий, логистических ограничений и институциональных факторов.

В зарубежной литературе ключевыми направлениями являются: теория неоднородности экономического пространства А. Пределя и Т. Паландера [Palander, 1935], теория полюсов роста (Ф. Перру) [Perroux, 1961], теория размещения У. Изарда [Изард, 1966], теория пространственной экономики (П. Кругман) [Krugman, 1991], теория кластеров (М. Портер) [Портер, 1993] и др. Эти работы анализируют роль ключевых территорий в распределении капитала и инноваций, а также влияние различных факторов на экономическое пространство.

Несмотря на обилие эмпирических данных и теоретических моделей, сохраняется дефицит комплексных подходов, учитывающих многоуровневое взаимодействие глобальных, национальных и региональных факторов, а также влияние политико-экономических трансформаций на пространственную организацию мировой экономики.

Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела путем интеграции различных теоретических и эмпирических подходов с целью выявления и оценки особенностей пространственного распределения экономических ресурсов, а также формирования концептуальных основ долгосрочных приоритетов в контексте нового геоэкономического уклада.

Методологической основой исследования выступает системный и междисциплинарный подход, сочетающий методы институционального, сравнительного и системного анализа, а также исторический и формально-логический методы.

Научная новизна исследования заключается в актуальной оценке и систематизации тенденций пространственного распределения эконо-

мических ресурсов в мировой экономике, интегрирующей геополитические, исторические, институциональные и технологические аспекты, а также обосновании концептуальных основ долгосрочных приоритетов в распределении ресурсов в мировом хозяйстве.

Результаты исследования

Активно начавшееся нынешнее переформатирование мирохозяйственных связей в своей основе имеет геополитическую составляющую. Для решения задач исследования рассмотрим важнейшие тенденции, складывающиеся в мировой экономике, в том числе в странах-лидерах, на протяжении послевоенного периода и вплоть до начала наиболее острого этапа кризиса современной геополитической системы (условно 1946–2022 гг.). Данный исторический период взят вполне обоснованно, поскольку именно послевоенное деловое взаимодействие и особенности развития событий на политической арене стали основой для современного структурного ранжирования государств по экономическому потенциалу, определению их места в мировом ВВП и формированию важнейших трендов в процессе распределения благ и услуг в мировой экономике. Россия исключена из данного анализа целенаправленно, поскольку изучение ее особенностей пространственного распределения ресурсов является отдельным масштабным направлением для исследований, в том числе авторского коллектива.

США: этапы трансформации экономического пространства

Характеристику пространственной структуры распределения экономических ресурсов целесообразно начать с крупнейшей экономики мира – Соединенных Штатов Америки. Экономическая мощь США развивалась в контексте благоприятных внешнеполитических и институциональных условий, обеспечивая устойчивый рост и доминирующее положение в мировой системе. Эволюцию экономического развития страны и соответствующее перераспределение ресурсов можно условно разделить на следующие ключевые этапы.

1. Послевоенный период становления глобального доминирования (1945 – конец 1960-х гг.). После Второй мировой войны США вышли на международную арену как безусловный эконо-

мический и технологический лидер. Разделение мировой экономики на две системы (капиталистическую и социалистическую) обеспечило США преимущественный доступ к множеству товарных рынков и практически безальтернативное доминирование в международной торговле. В этот период формируется политико-экономическое окружение США – конгломерат союзников в Западной Европе, Японии и Азии, зависимый от американского капитала, технологий и посредничества.

Особую роль сыграл план Маршалла (1948–1951 гг.), обеспечивший финансовую помощь на сумму около 13 млрд долларов [Липкин, 2015]. Он способствовал экономическому возрождению Европы и Японии, но также был мощным инструментом политического влияния и экономической интеграции под американским патронажем. Параллельно развивался военно-промышленный комплекс, задающий параметры пространственной концентрации ресурсов – преимущественно в восточной и южной частях страны.

2. Период «холодной войны» и мобилизационной экономики (1970 – конец 1980-х гг.). Экономика США в указанный период функционировала в условиях идеологического и экономического противостояния с социалистическим блоком. Стратегическое распределение ресурсов все в большей степени зависело от военных программ и геополитических приоритетов. На этом фоне начинается процесс деиндустриализации в традиционных промышленных регионах Северо-Востока (формируется «Ржавый пояс») и постепенное смещение производственной активности в южные и западные штаты («Солнечный пояс»), включая развитие аэрокосмического сектора, энергетики и телекоммуникаций.

Одновременно закладываются основы современной финансовой системы: признание доллара в качестве мировой резервной валюты в рамках Бреттон-Вудского соглашения (1944) и последующего перехода к плавающим курсам Ямайской валютной системой (1976) окончательно закрепило монетарное превосходство США в глобальной экономике [Минат, 2022].

3. Неолиберальная трансформация и глобальная экспансия (1990-е – 2007 гг.). Период после окончания «холодной войны» ознаменован окончательным формированием однополярной модели мирового устройства, где США играют ведущую роль. Происходит усиление глобализации, ускоренный рост сектора услуг и высоких технологий. Пространственное распределение

ресурсов все в большей степени определяется концентрацией интеллектуального капитала в крупных урбанизированных зонах – Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Сиэтле и др. Экономическая экспансия сопровождается распространением американских технологий, стандартов и моделей управления на международном уровне.

Функционирование экономики США в этот период имеет выраженные черты мобилизационной модели: постоянные военные конфликты (Югославия, Афганистан, Ирак) служат источником роста для ВПК, стимулируют инвестиции и экспорт вооружений, усиливая пространственную поляризацию в пользу оборонных кластеров [Горгола, 2015].

4. Кризис глобализации и геоэкономическая трансформация (2008–2020 гг.). Мировой финансовый кризис 2007–2008 гг. выявил уязвимость финансово-ориентированной модели и стимулировал изменения в пространственном распределении ресурсов. Усиливается роль государственных инвестиций в инфраструктуру, науку, медицину. Однако внутренние экономические проблемы продолжали в значительной степени решаться за счет эмиссионного ресурса доллара, что позволило поддерживать макроэкономическую стабильность без фундаментальной трансформации модели.

Одновременно обостряется геополитическая конфронтация – санкционная политика против России (с 2014 г.) и экономическое давление на Китай формируют контуры новой мировой архитектуры. Экономические интересы США начинают тесно переплетаться с внешнеполитическими приоритетами, что приводит к дальнейшей милитаризации отдельных секторов и регионов экономики [Куричев, 2011].

5. Период пандемии и перехода к новому мировому порядку (2020 г. по настоящее время). Кризис, вызванный пандемией COVID-19 (2020–2021 гг.), стал мощным стресс-тестом для американской модели. США продемонстрировали способность к адаптации, однако одновременно проявились и слабости – зависимость от внешнего производства, дефицит ключевых компонентов, рост государственного долга. Принятые фискальные и монетарные меры, включая стимулирующие пакеты на триллионы долларов, обеспечили краткосрочную стабилизацию, но усилили структурные перекосы.

Важным элементом остается функционирование экономики на фоне военных интервенций –

в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, что продолжает формировать устойчивые зоны концентрации оборонных ресурсов. Геополитическая напряженность, связанная с событиями на Украине (с 2014 г., особенно с 2022 г.), и глобальное противостояние с Россией и Китаем способствуют закреплению принципиально нового вектора в международной экономической политике США. Восприятие международной экономической системы смещается в сторону формирования новых центров силы и многополярной конфигурации распределения ресурсов [Фонотов, Бергаль, 2020].

В целом экономика США на протяжении последних 75 лет, за исключением отдельных кризисных периодов – в начале 1970-х гг., в 2007–2008 гг., а также в 2020–2021 гг., развивались достаточно успешно. Размер совокупного ВВП, по разным оценкам, в последние годы в номинальном выражении колебался от 22 до 25 трлн долл., что до сих пор позиционирует данную страну в качестве ведущей экономической державы [GDP by countries ... , 2023]. Относительно «легкий» национальный ВВП, в котором до 80 % занимает сфера услуг, способствует экспорту конкурентных технологий по всему миру и во многих случаях усиливает экономическую экспансию США. Экономическое лидерство страны поддерживается благодаря монетарному превосходству, широкому союзническому конгломерату и активной внешней политике. Однако растущая внутренняя поляризация, дефицит структурных реформ и геополитическая турбулентность требуют от США переосмысления подходов к национальной и международной экономической стратегии.

Европейский союз: эволюция пространственного распределения ресурсов

Экономическая эволюция Европейского союза представляет собой уникальный пример трансформации межгосударственного сотрудничества в полномасштабное наднациональное объединение. Его формирование и развитие можно проследить через ключевые этапы и характеристики.

Интеграционные процессы начались с реализации плана Маршалла (с 1948 г.), который стимулировал промышленную модернизацию, снятие торговых барьеров и стремление к единому рынку Западной Европы. Это стало основой для создания Европейского объединения угля и стали (1951 г.), послужившего первым шагом к экономической интеграции.

Дальнейшее развитие связано с учреждением Европейского экономического сообщества (1957–1993 гг.) – «Общего рынка», первоначально включавшего шесть стран. Расширение происходило по мере укрепления политико-экономической стабильности в регионе [Герцберг, 2021].

Ранние примеры интеграции наблюдались и в Восточной Европе – через деятельность Совета экономической взаимопомощи (1949–1991 гг.), межправительственной организации, предшествовавшей активизации западноевропейской интеграции. После прекращения ее деятельности интеграционные процессы в рамках Европейского экономического сообщества усилились. С 1993 г. в соответствии с Маастрихтским договором (1992 г.) начинает функционировать Европейский союз как международное надгосударственное образование, объединяющее признаки полноценной интеграционной структуры и охватывающее территорию с населением около 450 млн человек [Воронов, 2021].

Кардинальным определяющим элементом в системе связанности национальных экономик Евросоюза стал переход от условной общеевропейской единицы ЭКЮ к полноценному евро (1999–2002 гг.). В настоящее время ЕС объединяет 27 государств, в 20 из которых евро является официальной валютой. Как субъект международного права ЕС имеет полномочия для участия в международных отношениях и заключения соответствующих договоров. Это в значительной степени способствует обеспечению общей внешней политики, однако проблемы геополитического характера и разноплановое видение возможных угроз со стороны отдельных государств, выражаемое в их особенной позиции, постоянно препятствуют взаимопониманию на наднациональном уровне [Герцберг, 2021].

За последние 30 лет с момента создания ЕС объединение достигло значительных результатов, прежде всего по совокупным макроэкономическим показателям: по номинальному ВВП ЕС занимает второе место в мире, а по паритету покупательной способности (далее – ППС) входит в тройку лидеров после Китая и США. Экономическая структура ЕС отражает высокую зависимость продовольственного сектора от внешней торговли: в начале 2020-х гг. доля сельского хозяйства составляла лишь 1,5 % ВВП, промышленности – 24,5 %, торговли и услуг – около 71 %, остальное – прочие сервисные отрасли. Существенным вызовом остаются значительные различия в уровне экономического развития между

странами-основателями (Германия, Франция и др.) и новыми членами и кандидатами, что усиливает внутреннюю дифференциацию и ограничивает целостность экономического пространства ЕС [Герцберг, 2021].

Экономика Федеративной Республики Германия, являющейся ядром экономического потенциала ЕС, формирует не менее 25 % среднегодового объема ВВП Союза при доле в 8,5 % общей площади ЕС. Ведущей отраслью материального производства остается промышленность, особенно автомобилестроение, станко- и судостроение, до 70 % продукции которых ориентировано на экспорт. Значительная зависимость этих отраслей от импорта энергоносителей делает их уязвимыми к внешним шокам. Машиностроение выступает системообразующим элементом, формируя устойчивые связи с металлургией, химической и нефтехимической промышленностью. Снижение производственной активности в ключевых секторах способно вызвать цепную реакцию в национальной экономике. Дополнительную уязвимость создает высокая зависимость от внешних источников продовольствия: доля сельского хозяйства в ВВП традиционно составляет менее 1 %. Совокупность этих факторов указывает на потенциальные риски для устойчивости всей социальной системы континентальной Европы в случае кризиса в экономике Германии [Фонотов, Бергаль, 2020].

Современные вызовы для ЕС включают также последствия энергетического кризиса на фоне геополитической напряженности (в частности с 2022 г.), структурную слабость отдельных членов и риски деиндустриализации ключевых отраслей. Эти тенденции потенциально подрывают устойчивость Союза и требуют выработки новых моделей экономической координации.

Таким образом, ЕС представляет собой противоречивую модель пространственного распределения ресурсов, сочетающую элементы наднационального выравнивания с сохраняющейся и углубляющейся региональной асимметрией. Несмотря на формальную интеграцию, ресурсы распределены неравномерно: индустриально-финансовое ядро (Германия, Франция, Нидерланды) аккумулирует основную долю производственного и инвестиционного потенциала, тогда как периферийные и восточноевропейские страны преимущественно выполняют функции рынков сбыта и поставщиков рабочей силы и сырья [Скательщиков, Чистобаев, 2014]. Структурные и козелионные фонды лишь частично компенсируют

данный разрыв, не устраняя его причин – исторической неравномерности развития, институциональных различий и слабости механизмов перераспределения. В периоды кризисов пространственная поляризация усиливается, а зависимость менее развитых стран от экономических центров возрастает.

Китай: особенности пространственной организации экономики

Китайская Народная Республика представляет собой уникальный пример масштабной трансформации национальной экономики, осуществленной в течение относительно короткого исторического периода. За последние 45 лет страна прошла путь от аграрного и изолированного государства к одной из ведущих мировых экономических держав за счет проведенных экономических реформ, что позволяет говорить о формировании новой геоэкономической реальности в Азии и мире в целом.

Этапы экономических реформ КНР:

1. *Переходный этап* (1976 – конец 1980-х гг.) характеризовался демонтажем элементов командной экономики, децентрализацией хозяйственного управления и внедрением рыночных элементов на уровне локальных структур, прежде всего в сельском хозяйстве [Макеева, 2020].

2. *Этап институционализации реформ* (1989–2002 гг.) был связан с формированием новой экономической модели через развитие рыночных механизмов в промышленности, активное привлечение иностранных инвестиций и создание специальных экономических зон, что обеспечило стремительный рост экспортно-ориентированных производств [Макеева, 2020].

3. *Современный этап* (с 2012 г. по настоящее время) отмечен запуском инициативы «Один пояс – один путь» (2013 г.), а также переориентацией распределительной политики с упором на внутреннее потребление и формирование сбалансированной модели, где внешний рынок становится дополнением к внутреннему спросу [Алексеев и др., 2021].

Экономические показатели КНР на современном этапе свидетельствуют о высоком уровне развития. По данным на 2024 г., ВВП страны составил порядка 18,8 трлн долларов США, что вывело Китай на второе место в мире после США [Отчет о состоянии ... , 2025]. В режиме ППС китайская экономика с 2014 г. занимает первое место, что указывает на ее реальную

масштабность и внутреннюю ресурсную мощность. Структурная модель экономики КНР в 2024 г. имеет следующий вид: сектор торговли и услуг обеспечивает порядка 56,7 % ВВП, промышленность – 36,5 %, сельское хозяйство – 6,8 % [Distribution of the gross ... , 2025].

С позиции пространственного анализа экономических ресурсов КНР представляет собой одну из самых ярко выраженных моделей региональной неравномерности. Восточные и юго-восточные прибрежные провинции (в частности, Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Шанхай) концентрируют основные производственные, инвестиционные и экспортные мощности, формируя ядро китайской экономики [Ясинский, Кожевников, 2021]. Эти регионы располагают развитой транспортной и логистической инфраструктурой, плотной сетью портов, научно-техническими кластерами и мощными центрами потребления.

Напротив, внутренние и западные районы (Сычуань, Тибет, Ганьсу, Синьцзян), несмотря на наличие сырьевых и энергетических ресурсов, характеризуются относительной экономической отсталостью, низкой плотностью населения и слаборазвитой инфраструктурой [Ясинский, Кожевников, 2021]. Стратегия «развития запада» (с начала 2000-х гг.) и вложения в масштабные инфраструктурные проекты (высокоскоростные железные дороги, энергетические магистрали, цифровые сети) несколько сократили данный разрыв, но не устранили его полностью.

Восточно-западная ось дисбаланса формирует направления внутренней миграции рабочей силы и влияет на структуру территориального спроса и предложения. Региональное перераспределение ресурсов осуществляется преимущественно централизованно через государственное планирование, что обеспечивает стабильность, но затрудняет устойчивое развитие западных регионов [Ясинский, Кожевников, 2021].

Для долгосрочного устойчивого развития Китая необходимо достичь внутренней сбалансированности при сохранении конкурентоспособности на глобальных рынках. Ключевыми инструментами здесь выступают усиление внутреннего потребления, развитие производственных кластеров на западе страны, цифровизация и создание логистических коридоров нового поколения, – все это может способствовать более равномерному пространственному росту.

Индия: специфика пространственного перераспределения экономических ресурсов

Индия вместе с Китаем занимает лидирующее положение по численности населения, совокупный удельный вес которых, распределяемый практически поровну, достигает более 35 % от всего населения мира: 1,463 млрд человек и 1,416 млрд человек соответственно [Top 10 Most ... , 2025]. Обе страны давно преодолели предел в 1,4 млрд жителей и уверенно продвигаются к официально признаваемым полуторамиллиардным мировым державам.

В этом состоит одно из определяющих условий развития двух самых больших государств мира, но применительно к Индии численность и национальный (кастовый) состав населения в значительно большей степени влияют на социально-экономическое развитие, чем в соседнем Китае. Кроме того, на особенности размещения производства, формирование и распределение экономических ресурсов оказывает воздействие относительно небольшая площадь национального пространства, которая почти в три раза меньше, чем в КНР (Китай – 9 596 960 км, Индия – 3 287 590 км) [Географический справочник ... , 2025]. Тем не менее основное население Индии, в отличие от КНР, проживает именно в сельской местности – ориентировочно 65 % против 35 % соответственно, поэтому процессы урбанизации в этих странах существенно различаются.

На протяжении анализируемого 75-летнего периода экономические позиции развивающейся Индии в мировом сообществе постоянно улучшались, о чем свидетельствует вхождение в топ-3 по размеру ВВП из расчета по ППС, не учитывая показатели Евросоюза, и в топ-5 среди национальных экономик по номинальной стоимости данного макроэкономического показателя.

В течение последних четырех десятилетий в Индии реализуются экономические реформы, способствующие модернизации факторов производства. Подобно Китаю, страна занимает позиции мирового производственного центра по ряду отраслей. Для этого внедряются национальные программы, ориентированные на открытость экономики, подготовку кадров, технологические преобразования в промышленности и развитие IT-сектора [Дмитриев, 2012]. Структура ВВП Индии с 2014 г. выглядит следующим об-

разом: промышленность – 25 %, сельское хозяйство – 19 %, торговля и услуги – 56 %. При этом в аграрном секторе занято более половины рабочей силы. Борьба с бедностью остается приоритетом: уровень бедности снизился с 28 (2012 г.) до 22 % (2021 г.), однако проблема сохраняется, отягощенная кастовыми барьерами, затрудняющими получение достоверных данных.

Экономическое развитие Индии обеспечивается не только внутренней политикой, но и гибкой внешнеторговой стратегией. Руководство страны выстраивает взвешенное сотрудничество в рамках интеграционных блоков [Фонотов, Бергаль, 2020]. Зависимость от импорта энергетических ресурсов в условиях экологических ограничений стимулирует партнерства как с поставщиками традиционного сырья (нефть, газ, уголь), так и с производителями атомной энергии. В этой связи перспективы сотрудничества с Россией в сферах экспорта ресурсов, АЭС, продовольствия и военно-технического сотрудничества оцениваются положительно.

Бразилия: направления развития в мировом пространстве

Бразилия – одна из крупнейших экономик мира, относящаяся к индустриально-аграрному типу. По номинальному ВВП страна входит в топ-10, а по ППС занимает седьмое место, с перспективами дальнейшего роста [GDP, PPP ..., 2023]. По территории она пятая в мире, по численности населения – седьмая [Countries in the World ..., 2025], при этом около 85 % населения проживает в городах [Largest Countries ..., 2025]. Крупнейшая экономика Латинской Америки уже около шести десятилетий проводит политико-экономические реформы, положительно повлиявшие на развитие. К началу 2020-х гг. структура ВВП включает: сельское хозяйство – 5,7 %, промышленность – 19,5 %, торговлю и услуги – 61,5 %, что отражает прогрессивное распределение ресурсов в условиях развивающейся экономики [Brazil: Share of Economic ..., 2025]. Однако острой остается проблема социальной и территориальной дифференциации: уровень бедности не опускается ниже 20 % [Песцов, 2019].

Сдерживающим фактором притока инвестиций служит относительная закрытость экономики, высокая доля госсектора среди латиноамериканских государств и определенные традиции делового оборота [Строев, Макар, 2022]. Основные внешнеторговые партнеры Бразилии,

формирование которых произошло на протяжении последних двух-трех десятилетий, но еще ранее связано с историческими особенностями и географическим положением, могут быть условно представлены следующим образом: США – 16 %, КНР – 12,5 %, Аргентина – 8,8 %, Германия – 7,7 %, Япония – 4,5 % и т. д. Начиная с 2019 г. активизировалось участие Бразилии в геополитическом объединении (коалиции) БРИКС, что подтверждает направленность этого государства на продолжение экономических связей с Россией.

Систематизация тенденций пространственного распределения экономических ресурсов в мировой экономике

Ретроспективный анализ пространственного распределения экономических ресурсов в послевоенный период позволяет выделить несколько этапов развития мировой экономики, каждый из которых характеризуется специфическим соотношением факторов производства, моделей ресурсного самообеспечения и форм международного взаимодействия.

1. Этап индустриализации (конец XIX – середина XX в.). Ознаменовался концентрацией капитала, промышленного производства и инфраструктурных мощностей в странах Западной Европы и Северной Америки. Пространственное распределение ресурсов базировалось на колониальной системе и ориентировалось на переработку сырья в центрах, обладающих промышленным потенциалом, в то время как периферийные территории оставались в положении сырьевых придатков, что усиливало глобальное неравенство и закладывало основы для будущей геоэкономической поляризации.

2. Этап послевоенного сосуществования двух систем (вторая половина 1940-х – конец 1980-х гг.). Формирование биполярной структуры мировой экономики определило два автономных центра ресурсного самообеспечения: социалистический лагерь во главе с СССР и западный капиталистический мир. В каждом из них происходило развитие собственных производственно-экономических систем с относительной замкнутостью внутреннего воспроизводственного цикла. Это способствовало формированию территориальных кластеров в рамках СЭВ и НАТО, обеспечивающих промышленную, технологическую и продовольственную безопасность в пределах политико-

экономических блоков. Уже в этот период начала проявляться необходимость обмена ресурсами между системами – от ресурсов до технологий.

3. Период трансформации и интеграции (конец 1980-х – начало 2000-х гг.). Распад социалистической системы запустил резкий переход к рыночной модели. Восточная Европа адаптировалась относительно мягко при поддержке Запада, тогда как СНГ (в частности, Россия, Украина и Беларусь) столкнулись с промышленной деградацией и разрывом экономических связей. Запад укрепил лидерство в высоких технологиях, а СНГ стали поставщиками сырья. Происходит существенное перераспределение производственных и научных ресурсов: часть квалифицированного персонала мигрирует, в том числе за рубеж, в поисках востребованности и институциональной поддержки.

4. Этап глобализации и технологического доминирования (с 2000-х до начала 2010-х гг.). Ускоренная глобализация привела к формированию единой системы распределения ресурсов. Китай стал мировым производственным центром, в то время как США, ЕС и Япония сохраняли технологическое и финансовое доминирование. Становится очевидным смещение центра экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион, усиливающее пространственное перераспределение инвестиций и трудовых ресурсов. При этом закрепляется стратификация стран по функциям в международном разделении труда – технологические лидеры и индустриальные периферии.

5. Этап устойчивого развития и цифровой трансформации (с 2010-х гг. по настоящее время). Цифровизация и ESG-повестка стали определяющими трендами. Однако геополитическая напряженность и санкционная политика (с 2014 г.) способствовали новому этапу перераспределения ресурсов. Возрастают процессы декуплинга, формируются альтернативные союзы, основанные на региональной связанности. Акцент смещается с глобальных цепочек на создание автономных производственно-логистических кластеров. Повестка устойчивости приобретает адаптационный характер на фоне мобилизации традиционных ресурсов.

Таким образом, пространственное распределение экономических ресурсов в мировой экономике прошло путь от глобальной централизации и иерархичности к нарастающей полицентричности с элементами фрагментации. Структурные изменения сопровождались формированием

новых экономических узлов (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия), трансформацией функций традиционных центров (ЕС, США), а также выработкой устойчивых региональных стратегий ресурсного самообеспечения. В этих условиях роль пространства как ключевого фактора в размещении экономических ресурсов становится все более значимой, что требует системного подхода к управлению территориальным развитием на всех уровнях глобального экономического взаимодействия, а также выработки новых концептуальных подходов к долгосрочному распределению ресурсов в глобальном масштабе.

**Концептуальные основы
долгосрочных приоритетов
в распределении ресурсов
в мировой экономике**

Прежде всего, следует подчеркнуть, что ключевым фактором трансформации глобального распределения ресурсов становится объективное усиление роли геополитики как структурообразующего элемента мировой экономики. После распада биполярной системы и краткого периода однополярного доминирования с попытками универсализации модели свободного рынка стало очевидно, что игнорирование национальных, культурных и институциональных особенностей приводит к ухудшению социально-экономических показателей, неравномерному доступу к ресурсам и росту геоэкономической фрагментации.

На этом фоне формируется новая система приоритетов, отражающая необходимость перехода от прежнего либерально-глобалистского порядка к многополярной конфигурации с акцентом на устойчивость, справедливость и координацию политико-экономических интересов. Основу этой трансформации составляет ряд положений, которые могут рассматриваться как методологическая база для формирования концепции долгосрочного распределения ресурсов.

1. Возврат к приоритету геополитических реалий. Распределение ресурсов все более зависит от политической устойчивости, безопасности и стратегического суверенитета. Новые центры силы – Китай, Индия, Бразилия, а также усиление региональных интеграционных блоков предопределяют сдвиг в логике пространственного размещения ресурсов от централизованной модели к полицентричной.

2. Критический пересмотр универсалистского подхода. Унифицированные рыночные прин-

ципы без адаптации к специфике стран показали неэффективность. Новая концепция должна основываться на учете разнообразия: исторического опыта, климатических условий, структуры национальных экономик, уровня технологического развития и политических режимов.

3. Политико-экономическая координация как основа устойчивости. Согласование внешней и экономической политики внутри межгосударственных интеграционных блоков позволяет формировать устойчивые зоны роста и взаимовыгодного воспроизводства ресурсов.

4. Формирование глобальных узлов развития. Будущая мировая экономика будет опираться на межрегиональные центры с потенциалом в промышленности, технологиях и науке, формирующие новые логистические коридоры и кооперационные сети для справедливого распределения ресурсов.

5. Новая парадигма международной торговли. Будущая система глобального обмена будет строиться на доверии, равноправии и договороспособности. Это требует обновления договорных механизмов и правовой защиты равного доступа к стратегическим ресурсам.

6. Интернационализация и промышленная кооперация. Углубление двустороннего и многостороннего взаимодействия, локализация производства и совместные научные проекты становятся основой эффективного использования ресурсов.

7. Безопасность как приоритет ресурсной политики. Комплексная безопасность – военная, экономическая, культурная, информационная – должна быть интегрирована в стратегическое планирование, особенно в условиях санкций и торговых ограничений.

Таким образом, долгосрочные приоритеты в распределении ресурсов формируются на пересечении геополитики, социально-экономических реалий и научно-технического прогресса. Формирующаяся многополярная архитектура мирового хозяйства требует гибких и адаптивных подходов, обеспечивающих устойчивое и справедливое развитие с опорой на национальные интересы, коллективную безопасность и кооперационные формы взаимодействия.

Выводы

Проведенный анализ пространственного распределения экономических ресурсов в мировой экономике позволил выявить ключевые закономерности и тенденции, формирующие современную геоэкономическую архитектуру. Уста-

новлено, что эволюция мирохозяйственных связей в послевоенный период (1946–2022 гг.) проходила поэтапно: от биполярной модели к глобализированной структуре с доминированием Запада, а затем – к формирующейся многополярной системе. В этой системе наряду с традиционными центрами (США, ЕС) возрастает роль новых экономических центров – КНР, Индии и стран БРИКС.

Анализ показывает, что глобальное распределение ресурсов сопровождается усилением региональных диспропорций, обусловленных не только историческими факторами, но и современными геополитическими изменениями, институциональными преобразованиями и неравномерным технологическим развитием. При этом процессы глобализации, несмотря на заявленную цель унификации условий, в ряде случаев (например, Китай, ЕС) усилили структурное неравенство и пространственную поляризацию.

Исследование обосновывает необходимость перехода к новой парадигме распределения ресурсов, основанной на принципах полицентричности, стратегической автономии и кооперационной взаимодополняемости. Эти подходы особенно актуальны на фоне эрозии либерального мирохозяйственного порядка, усиления протекционизма и конкуренции за ресурсы и рынки. Приоритетное внимание следует уделить инструментам региональной интеграции, способным повысить устойчивость национальных экономик к внешним шокам и ускорить модернизационные процессы.

Практическая значимость результатов заключается в формировании концептуальных ориентиров для долгосрочной экономической политики. Она должна учитывать как глобальные мегатренды – цифровизацию, энергетический переход, технологические изменения, так и специфику национальных интересов. Выводы и закономерности могут использоваться для разработки прогнозных сценариев пространственной динамики и оценки устойчивости территориальной структуры мировой экономики в условиях нарастающей геоэкономической нестабильности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев П. В., Гионян А. Б., Дахненко С. С., Красавина Л. Н. и др., 2021. Евразийский вектор китайской инициативы «Пояс и Путь»: территориально-экономические и правовые аспекты. М. : Курс. 272 с.
- Бухвальд Е. М., 2020. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. Т. 11, № 6. С. 2–14. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-1
- Воронов В. В., 2021. Подходы и модели управления стратегией пространственного развития в центрально-восточноевропейских странах Евросоюза // Россия реформирующаяся. № 19. С. 280–301. DOI: 10.19181/ezheg.2021.12
- Географический справочник «О странах», 2025. URL: http://ostranah.ru/_lists/area.php
- Герцберг Л. Я., 2021. Европейская пространственная политика, основные принципы стратегического планирования. М. : АСВ. С. 225–232.
- Горгола Е. В., 2015. Экономика войны – национальный бизнес по-американски // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 43 (328). С. 50–68.
- Гранберг А. Г., 2007. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: экономика и социология. № 1. С. 87–107.
- Дмитриев Р. В., 2012. Коридоры роста как форма пространственного развития экономики Индии. М. : Перо. С. 163–169.
- Зубаревич Н. В., 2019. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. № 1. С. 135–145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145
- Изард У., 1966. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М. : Прогресс. 659 с.
- Клейнер Г. Б., 2013. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. № 6. С. 4–28. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-6-4-28
- Куричев Н. К., 2011. Пространственное развитие промышленности США и внешняя торговля // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 2. С. 40–50.
- Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В., 2020. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. Т. 16. № 4. С. 1017–1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1
- Липкин М. А., 2015. Между ФРГ и Японией: СССР в поисках стратегического партнерства в середине 1950-х – первой половине 1970-х годов // Новый исторический вестник. № 4 (46). С. 77–101.
- Макар С. В., 2024. К развитию методологии пространственного анализа: концепция ограниченной пространственной поляризации // Дискуссия. № 3 (124). С. 6–12. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-6-12
- Макеева С. Б., 2020. Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 4. С. 196–206. DOI: 10.31857/S086919080010846-7
- Минат В. Н., 2022. Моделирование пространственного развития трансграничных регионов США как социально-экономических систем мезоуровня // Экономическая наука современной России. № 3 (98). С. 83–96. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-3(98)-83-96
- Отчет о состоянии экономики Китая за 2024 год: ВВП, торговля, ПИИ, 2025. URL: https://insights.made-in-china.com/ru/China-s-Economy-Report-Card-for-2024-GDP-Trade-FDI_bfztCSkLhmDv.html
- Песцов С. К., 2019. Проблема регионального неравенства и опыт управления региональным развитием в Бразилии // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 9, № 10-1. С. 202–209. DOI: 10.34670/AR.2020.92.10.025
- Портер М., 1993. Международная конкуренция. М. : Международные отношения. 378 с.
- Скаторщиков С. В., Чистобаев А. И., 2014. Принципы территориального планирования и их реализация в Европейском союзе и Российской Федерации // Балтийский регион. № 1 (19). С. 137–148. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-1-9
- Строев П. В., Макар С. В., 2022. Зарубежный опыт пространственного развития и ключевые акценты для России // Региональная экономика: теория и практика. Т. 20, № 1 (496). С. 4–27. DOI: 10.24891/re.20.1.4
- Фаттахов Р. В., 2019. Пространственное развитие России: вызовы и перспективы // Калужский экономический вестник. № 3. С. 8–12.
- Фонотов А. Г., Бергаль О. Е., 2020. Территориальные кластеры в системе пространственного развития: зарубежный опыт // Пространственная экономика. Т. 16, № 4. С. 113–135. DOI: 10.14530/se.2020.4.113-135
- Ясинский В. А., Кожевников М. Ю., 2021. Пространственное развитие: опыт Китая // Экономические стратегии. Т. 23, № 2 (176). С. 6–15. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.6-15
- Brazil: Share of Economic Sectors in the Gross Domestic Product (GDP) from 2013 to 2023, 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/254407/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-brazil/>
- Countries in the World by Population, 2025. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/>
- Distribution of the Gross Domestic Product (GDP) Across Economic Sectors in China from 2014 to 2024, 2025. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f5a22fd7-6822fc56-25b3f589-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/270325/distribution-of-gross-domestic-product-gdp-across-economic-sectors-in-china/

GDP by Countries (in Current US\$), 2023. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>
 GDP, PPP (Current International \$), 2023. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?most_recent_value_desc=false
 Krugman P., 1991. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. Vol. 99, №3. P. 483–499.
 Largest Countries in the World (by Area), 2025. URL: <https://www.worldometers.info/geography/largest-countries-in-the-world/>
 Palander T., 1935. Beitrage zur Standortstheorie. Uppsala : Almqvist & Wiksell. 419 S.
 Perroux F., 1961. The Economics of the 20th Century. Paris: Presses Universitaires de France. 598 p.
 Top 10 Most Populous Countries in the World 2025. URL: <https://businessday.ng/world/article/top-10-most-populous-countries-in-the-world-2025/>

REFERENCES

- Alekseev P.V., Gionjan A.B., Dahnenko S.S., Krasavina L.N. et al., 2021. *Evrazijskij vektor kitajskoj iniciativy «Pojas i Put»: territorialno-ekonomicheskie i pravovye aspekty* [Eurasian Vector of the Chinese Belt and Road Initiative: Territorial, Economic and Legal Aspects]. Moscow, Curs Publ. 272 p.
- Buhvald E.M., 2020. Upravlenie prostranstvennym razvitiem rossijskoj ekonomiki: celi i instrumenty [Managing the Spatial Development of the Russian Economy: Goals and Tools]. *Upravlenec* [Manager], vol. 11, no. 6, pp. 2-14. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-1
- Voronov V.V., 2021. Podhody i modeli upravlenija strategiej prostranstvennogo razvitija v centralno-vostochnoevropejskih stranah Evrosojuza [Approaches and Models of Spatial Development Strategy Management in the Central and Eastern European Countries of the European Union]. *Rossija reformirujushhajasja* [Reforming Russia], no. 19, pp. 280-301. DOI: 10.19181/ezheg.2021.12
- Geograficheskij spravocnik «O stranah»* [Geographical Reference Book "About Countries"], 2025. URL: http://ostranah.ru/_lists/area.php
- Gercberg L.Ja., 2021. *Evropejskaja prostranstvennaja politika, osnovnye principy strategicheskogo planirovanija* [European Spatial Policy, Basic Principles of Strategic Planning]. Moscow, ASV Publ., pp. 225-232.
- Gorgola Ye.V., 2015. Ekonomika vojny – natsionalnyy biznes po-amerikanski [Economy of War – National Business, American Style]. *Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost*, no. 43 (328), pp. 50-68.
- Granberg A.G., 2007. Modelirovanie prostranstvennogo razvitija nacionalnoj i mirovoj ekonomiki: evoljucija podhodov [Modelling Spatial Development of National and World Economies: Evolution in Approaches]. *Region: ekonomika i sociologija* [Region: Economics and Sociology], no. 1, pp. 87-107.
- Dmitriev R.V., 2012. *Koridory rosta kak forma prostranstvennogo razvitija ekonomiki Indii* [Growth Corridors as a Form of Spatial Development of the Indian Economy]. Moscow, Pero Publ., pp. 163-169.
- Zubarevich N.V., 2019. Strategija prostranstvennogo razvitija: priority i instrumenty [Spatial Development Strategy: Priorities and Instruments]. *Voprosy ekonomiki* [Journal Questions of Economics], no. 1, pp. 135-145. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-135-145
- Izard U., 1966. *Metody regionalnogo analiza: vvedenie v nauku o regionah* [Methods of Regional Analysis: Introduction to the Science of Regions]. Moscow, Progress Publ. 659 p.
- Klejner G.B., 2013. Sistemnaja ekonomika kak platforma razvitija sovremennoj ekonomicheskoy teorii [System Economics as a Platform for Development of Modern Economic Theory]. *Voprosy ekonomiki* [Journal Questions of Economics], no. 6, pp. 4-28. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-6-4-28
- Kurichev N.K., 2011. Prostranstvennoe razvitie promyshlennosti SShA i vneshnjaja trgovlja [Spatial Development of U.S. Industry and Foreign Trade]. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series], no. 2, pp. 40-50.
- Lavrikova Ju.G., Suvorova A.V., 2020. Optimalnaja prostranstvennaja organizacija ekonomiki regiona: poisk parametrov i zavisimostej [Optimal Spatial Organization of the Regional Economy: Search for Parameters and Dependencies]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], vol. 16, no. 4, pp. 1017-1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1
- Lipkin M.A., 2015. Mezhdru FRG i Japoniej: SSSR v poiskah strategicheskogo partnerstva v seredine 1950-h – pervoj polovine 1970-h godov [Between Western Germany and Japan: the USSR in Search of Strategic Partnership in Mid 1950s – First Half of 1970s]. *Novyy istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin], no. 4 (46), pp. 77-101.
- Makar S.V., 2024. K razvitiyu metodologii prostranstvennogo analiza: koncepcija ogranichennoj prostranstvennoj poljarizacii [Towards the Development of Spatial Analysis Methodology: Concept of Limited Spatial Polarization]. *Diskussija* [Discussion], no. 3 (124), pp. 6-12. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-3-124-6-12
- Makeeva S.B., 2020. Istoricheskij opyt realizacii strategij prostranstvennogo regionalnogo razvitija v KNR (1949–2019) [Historical Experience in the Implementation of Strategies for Spatial Regional Development in China (1949–2019)]. *Vostok. Afroaziatskie obshhestva: istorija i sovremennost* [Journal "Oriens"], no. 4, pp. 196-206. DOI: 10.31857/S086919080010846-7

- Minat V.N., 2022. Modelirovanie prostranstvennogo razvitija transgranichnyh regionov SShA kak socialno-ekonomicheskikh sistem mezourovnja [Modeling the Spatial Development of the US Cross-Border Regions as Mesolevel Socio-Economic Systems]. *Ekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii* [Economics of Contemporary Russia], no. 3 (98), pp. 83-96. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-3(98)-83-96
- Otchet o sostojanii ekonomiki Kitaja za 2024 god: VVP, trgovlja, PII [China Economic Update 2024: GDP, Trade, FDI], 2025. URL: https://insights.made-in-china.com/ru/China-s-Economy-Report-Card-for-2024-GDP-Trade-FDI_bfztCSkLhmDv.html
- Pescov S.K., 2019. Problema regionalnogo neravenstva i opyt upravlenija regionalnym razvitiem v Brazilii [Problem of Regional Inequality and the Experience of Managing Regional Development in Brazil]. *Ekonomika: vchera, segodnja, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], vol. 9, no. 10-1, pp. 202-209. DOI: 10.34670/AR.2020.92.10.025
- Porter M., 1993. *Mezhdunarodnaja konkurencija* [International Competition]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ. 378 p.
- Skatershnikov S.V., Chistobaev A.I., 2014. Principy territorialnogo planirovanija i ih realizacija v Evropejskom sojuze i Rossijskoj Federacii [Spatial Planning in the European Union and the Russian Federation]. *Baltijskij region* [Baltic Region], no. 1 (19), pp. 137-148. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-1-9
- Stroev P.V., Makar S.V., 2022. Zarubezhnyj opyt prostranstvennogo razvitija i ključevye akcenty dlja Rossii [International Experience of Spatial Development and Key Emphases for Russia]. *Regionalnaja ekonomika: teorija i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], vol. 20, no. 1 (496), pp. 4-27. DOI: 10.24891/re.20.1.4
- Fattahov R.V., 2019. Prostranstvennoe razvitie Rossii: vyzovy i perspektivy [Spatial Development of Russia: Challenges and Prospects]. *Kaluzhskij ekonomicheskij vestnik* [Kaluga Economic Bulletin], no. 3, pp. 8-12.
- Fonotov A.G., Bergal O.E., 2020. Territorialnye klasteri v sisteme prostranstvennogo razvitija: zarubezhnyj opyt [Territorial Clusters in the System of Spatial Development: Foreign Experience]. *Prostranstvennaja ekonomika* [Spatial Economics], vol. 16, no. 4, pp. 113-135. DOI: 10.14530/se.2020.4.113-135
- Jasinskij V.A., Kozhevnikov M.Ju., 2021. Prostranstvennoe razvitie: opyt Kitaja [Spatial Development: China's Experience]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], vol. 23, no. 2 (176), pp. 6-15. DOI: 10.33917/es-2.176.2021.6-15
- Brazil: Share of Economic Sectors in the Gross Domestic Product (GDP) from 2013 to 2023*, 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/254407/share-of-economic-sectors-in-the-gdp-in-brazil/>
- Countries in the World by Population*, 2025. URL: <https://www.worldometers.info/world-population/population-by-country/>
- Distribution of the Gross Domestic Product (GDP) Across Economic Sectors in China from 2014 to 2024*, 2025. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.f5a22fd7-6822fc56-25b3f589-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/270325/distribution-of-gross-domestic-product-gdp-across-economic-sectors-in-china/
- GDP by countries (In Current US\$)*, 2023, 2025. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>
- GDP, PPP (Current International \$)*, 2023. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?most_recent_value_desc=false
- Krugman P., 1991. Increasing Returns and Economic Geography. *The Journal of Political Economy*, vol. 99, no 3, pp. 483-499.
- Largest Countries in the World (By Area)*, 2025. URL: <https://www.worldometers.info/geography/largest-countries-in-the-world/>
- Palander T., 1935. *Beitrage zur Standortstheorie*. Uppsala, Almqvist & Wiksell. 419 p.
- Perroux F., 1961. *The Economics of the 20th Century*. Paris, Presses Universitaires de France. 598 p.
- Top 10 Most Populous Countries in the World*, 2025. URL: <https://businessday.ng/world/article/top-10-most-populous-countries-in-the-world-2025/>

Information About the Authors

Pavel V. Stroeв, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Director of the Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Associate Professor, Department of Public Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Tverskaya St, 22b, Bld. 3, 125009 Moscow, Russian Federation, pstroeв@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>

Olga V. Pivovarova, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director of the Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Tverskaya St, 22b, Bld. 3, 125009 Moscow, Russian Federation, ovpivovarova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5972>

Информация об авторах

Павел Викторович Строев, кандидат экономических наук, доцент, директор Института региональной экономики и межбюджетных отношений, доцент кафедры общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, ул. Тверская, 22б, стр. 3, 125009 г. Москва, Российская Федерация, pstroeв@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4770-9140>

Ольга Владимировна Пивоварова, кандидат экономических наук, заместитель директора Института региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, ул. Тверская, 22б, стр. 3, 125009 г. Москва, Российская Федерация, ovpivovarova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5972>